

Александр Черенов

**Катынь:
СС+НКВД —
шляхта**

Александр Черенов

Катынь: СС+НКВД – шляхта

«Издательские решения»

Черенов А.

Катынь: СС+НКВД – шляхта / А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501759-8

Роман — в жанре исторической альтернативы, но на строго документальной основе и не в интерпретации наследников польских панов и отечественных «либералов». Альтернативная точка зрения в этом сомнительном деле имеет право на существование — вместе с фактами, которые не укладываются в господствующую версию. В романе действуют только исторические лица и исключительно в русле фактов. И только в последнем моменте исторически достоверный сюжет отклоняется в сторону одного из вероятных предположений.

ISBN 978-5-00-501759-8

© Черенов А.
© Издательские решения

Катынь: СС+НКВД – шляхта

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2019

ISBN 978-5-0050-1759-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия.

Историческая альтернатива? Ещё одна версия на тему? Почему бы и нет, если пленные поляки есть, а «Катынь» – та самая: уже не географическое название, а сплошная политика – сама предстаёт не больше чем версия? Версия, удобная политикам лишь потому, что как заметил один исторический деятель: «В политике истина не так уж важна»?

У альтернативы есть право на существование. И не столько потому, что это – жанр, оправдывающий фантазию автора, сколько потому, что здесь – только исторические лица и только факты. Точку в этом более чем сомнительном деле ставить рано. И предлагаемая версия – всего лишь одно из множества многоточий, не претендующих на истину в последней инстанции. Это – альтернатива. Только альтернатива. Другой взгляд на события. «*Audiat et altera pars*» («Да будет выслушана и другая сторона»).

Глава первая.

...Сталин молча стоял у окна, за которым неспешно хозяйничал канун осени. Не склонный к лирике, вождь сухо констатировал: удался канун. Истинный южанин, Иосиф Виссарионович любил солнце, тепло и лето. И нынешний канун пока соответствовал вкусам вождя. Его соратники отмечали этот факт с ещё большим энтузиазмом. Хрущёв вчера, двадцать второго августа, радостно доложил «Хозяину», что завтра отправляется «в гости к Ворошилову».

«В гости к Ворошилову» – это в новенькое охотничье хозяйство в Завидове. По части воинских доблестей «железный нарком» не блистал, зато во всём, что не касалось прямых обязанностей, был человеком незаменимым. Открытие хозяйства, расположенного в ста пятидесяти километрах от Москвы, было исключительно его заслугой. Страстный и умелый охотник, Климент Ефремович не мог допустить, чтобы в непосредственной близости от столицы почти девственные леса пропадали без пользы для дела... отдыха членов Политбюро. Эту точку зрения разделили и те, кто разделял его страсть к охоте. Хрущёв был в числе первых, если не стрелков, то любителей. И погода не подвела. Все последние дни в Москве и области было тепло, солнечно и сухо. Осень напоминала о своём приближении лишь по утрам – лёгкой, бодрящей прохладой. К полудню на улицах, во дворах и в душах воцарялось лето, даже не прилагавшее особенных усилий для этого...

Удавался не только канун осени, но и канун политического сезона, которому больше подходило определение «весна в политических отношениях». В политических отношениях с Германией. Но отношение Сталина к отношениям и «весне в них» было неоднозначным. И всё потому, что «весна» в одних отношениях явилась следствием «зимы» в других. Увы, в политике не бывает всё и сразу. «Тёплый ветер из Берлина» радовал, но приходилось с горечью признавать, что к переменам в отношениях с Германией привело отсутствие перемен в отношениях с Англией и Францией.

Ни от себя, ни от товарищей по работе вождь не скрывал, что первым предпочёл бы вторые. С тридцать пятого года Советский Союз вёл борьбу за создание в Европе системы коллективной безопасности. Вёл, преодолевая многочисленные препятствия. Парадокс, но главным препятствием на пути к достижению согласия всегда становилась... Европа! Европа всегда становилась главным препятствием на пути защиты самой себя! Застрельщиками в деле оппозиции здравому смыслу являлись Англия, Франция... и Польша. Верная традициям русофобии, последняя немедленно ложилась бревном поперёк любого консенсуса с Советским Союзом.

«Вожди старой Европы» тоже внесли свой вклад в дело борьбы «с миролюбивыми про-исками международного коммунизма». Всю свою недюжинную энергию они направили на то, чтобы исключить СССР не только из участников европейского пакта, но из числа независимых государств. По этой причине они делали, если не всё, то всё от них зависящее для того, чтобы «просветить» герра Гитлера насчёт перспектив «лебенсraum» («жизненное пространство») на Востоке.

Только Москва, которая и сама «не сразу строилась», не отказалась от попыток образумить «европейские демократии». В этом ей существенную помощь оказывал и герр Гитлер, который для начала отказался от версальских лимитов на армию и флот, а затем и вовсе разошёлся. И совсем не в том направлении, куда его адресовали «доброжелатели» из Лондона и Парижа. Фюрер «повторно милитаризовал» Рур, устроил аншлюс Австрии и усадил Лондон и Париж за один стол с собой. Но это не был стол переговоров: в Мюнхене «демократиям» «разрешалось» всего лишь капитулировать перед герром Гитлером. Пока одной только Чехословакией.

При таких «исходных» «сам Бог велел» Парижу и Лондону идти, если не на поклон, то «в объятия большевиков». Но «господа европейцы» опять не спешили – ни с объятиями, ни с выводами. И их можно было понять: надежда умирает последней. Надежда на то, что первым умрёт Советский Союз – а убийцей будет «тысячелетний рейх». Именно по этой причине весь тридцать восьмой и добрую четверть тридцать девятого Лондон и Париж старательно «отсутствовали в наличии», едва только Москва проявлялась с очередной инициативой на ниве миротворчества.

Не пробудили Запад от мечтательной летаргии и очередные шаги советской дипломатии: пятнадцатого апреля Лондону, а через два дня – Парижу был передан советский проект соглашения по вопросам коллективной безопасности в Европе. Нет, западные «демократии» не отказались «поговорить с Советами», но разговоры оказались исключительно «о погоде». Да иными они и не могли быть: английскую миссию на переговорах с Москвой по политическим вопросам возглавил третьестепенный чиновник Форин-оффис Уильям Стренг. Этот человек даже в британском МИДе был настолько «широко известен», что его имя то и дело путали секретарши. Разумеется, ни о каком «даровании» полномочий ему и речи быть не могло. Так: «попить чаю», поулыбаться и откланяться. «Обменяться мнениями» – как говорят дипломаты, если не предполагается никаких последствий в виде хотя бы предварительных договорённостей.

Семьдесят пять дней продолжался «маринад» под названием «англо-франко-советские переговоры». Из них шестнадцать дней ушло на то, чтобы Москва ответила на вопросы партнёров. Все остальные пятьдесят девять дней западные «партнёры» старательно имитировали кипучую деятельность, «засушивая» одни вопросы и «замариновывая» другие. И только шестого июня Англия и Франция согласились гарантировать прибалтийским лимитрофам «военно-политическое покровительство». Но было поздно: седьмого июня Эстония и Латвия – каждая по отдельности – заключили с Германией пакты о ненападении.

Этот факт слегка взбодрил «демократии», и они вынуждены были согласиться на переговоры о военном сотрудничестве с Москвой. Разумеется, параллельно с работой «дорожным указателем на Восток»: это направление продолжало оставаться для Лондона и Парижа глав-

ным. Именно потому они не изменили «традиционному репертуару» и в данном случае: главой делегации Англии был назначен престарелый адмирал флота Реджинальд Планкетт Дрэкс, на момент назначения – комендант Портсмута. Дедушка – и не только флота – де-факто находился в отставке, лишь для приличия задрапированной синекурой.

Воистину – «крупнейшая величина оборонного ведомства»! Особенно на фоне советских контрагентов: наркома обороны Маршала Советского Союза Ворошилова и его первого заместителя, Начальника Генерального штаба командарма 1 ранга Шапошникова!

Неудивительно, что на запрос из Москвы о личности Дрэкса советский посол Майский, к тому времени уже семь лет обживавший все, в том числе, и второстепенные салоны британской столицы, ответил, что и во второстепенных салонах адмирал Дрэкс не значится даже среди второстепенных личностей. Больше того: посол не слышал это имя и среди третьестепенных фигур в третьестепенных салонах. По одной лишь причине: к «фигурам» фигура Дрэкса не относилась. Нигде.

Но этим назначением оскорбления Москвы не кончились. Дрэкс не пожелал компенсировать свою «даже не третьестепенность» хотя бы скорейшей доставкой себя и свиты в Москву. Самолёту и быстроходному крейсеру адмирал предпочёл в качестве «самого быстроходного транспортного средства», такой же престарелый, как и он сам, товаро-пассажирский пакетбот «Сити оф Эксетер».

И в части остального адмирал строго блюл себя и инструкции Лондона. И, если о русских говорят, что они медленно запрягают, но быстро едут, то в этом случае Дрэкс переплюнул даже русских: он и «запрягал», и «ехал» с одинаковой скоростью. Старому джентльмену явно некуда было спешить. Поэтому «Сити оф Эксетер» отбыл из Англии лишь пятого августа, а в Ленинград прибыл только десятого. Одиннадцатого поездом английская делегация, наконец-то, добралась до Москвы.

Правда, джентльмены могли не торопиться «ещё раз»: Дрэкс прибыл без полномочий. И, если у главы французской делегации – «тоже великого полководца» корпусного генерала Думенка – имелись хотя бы полномочия на ведение переговоров без подписания документов, то у Дрэкса не было никаких полномочий! Никаких – кроме одного: «заслушать отчёт Москвы об односторонних обязательствах СССР по оказанию помощи жертвам агрессии»! А ещё у него имела инструкция Лондона: «Британское правительство не желает принимать на себя конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах».

При таких обстоятельствах переговоры были обречены... на переговоры. На переговоры бесконечные, бесплодные и бестолковые. Двенадцатого августа они сходу начали оправдывать характеристики и ожидания самих себя. Чтобы сразу же поставить на место советскую делегацию, «нагло» вздумавшую предъявлять целый набор полномочий на подписание военной конвенции, Дрэкс решительно «вывернул карманы», в которых, помимо обязательной «фиги», никаких «других полномочий» не имелось!

Правда, заранее предполагая – и даже зная – ответ, Дрэкс согласился с предложением Москвы запросить Варшаву насчёт прохода советских войск для оказания помощи жертвам агрессии. Девятнадцатого августа, в день получения запроса, Польша решительно отвергла «домогательство Советов». Отвергла устами своего министра иностранных дел Бека, который так прямо и заявил: «Это быдло (Красная Армия, то есть) не ступит на территорию Польши».

Поскольку этими устами было сказано всё, а Красная Армия не располагала достаточным числом ковров-самолётов и шапок-невидимок для транспортировки своих войск «не по земле суверенной Польши», говорить уже было не о чем. Но для порядка – а больше под давлением Москвы – Дрэкс и Думенк запросили свои столицы о дальнейших инструкциях. Четыре дня, начиная с вечера семнадцатого августа, Лондон и Париж «хранили героическое молчание». И тогда заговорил Берлин.

Если быть совсем точным, заговорил он ещё раньше.

Ещё в прошлом, тридцать восьмом году, немцы приступили к зондажу Москвы насчёт улучшения отношений. Понять их было можно: на горизонте всё время маячила перспектива общеевропейского военного соглашения против Германии. И в этих «поползновениях» Советский Союз играл не только не последнюю – первую скрипку! Берлин считал себя везунчиком оттого, что СССР «крупно повезло» с партнёрами: все они, без исключения, мужественно не поддавались на уговоры Москвы... позаботиться о самих себе. При этом они старательно «подмигивали» Берлину «курсом норд-норд-ост».

При всей своей экзальтированности, фюрер был прагматиком. Поэтому он «жаловал» «плутократов» не меньше, чем большевиков. Считая, что выжал из них максимум того, что можно было выжать сегодня, он не стремился «дружить больше», чем требовалось обстановкой. А, вот, перспектива оказаться жертвой даже не очень серьёзного консенсуса между «демократиями» и Москвой ему вовсе не улыбалась. И, поэтому, в Москве ещё шли переговоры с англичанами и французами – а Гитлер уже приступил... к приступу советского вождя.

Фюрер работал не на пустом месте: почва для серьёзных переговоров была не только подготовлена, но и «основательно унавожена». Ещё в октябре тридцать восьмого посол в Москве граф фон дер Шуленбург запланировал серьёзную дипломатическую атаку непосредственно советского премьера Молотова. Старый граф решил «перепрыгнуть через голову» наркома иностранных дел Литвинова. Литвинов считался в Берлине – и не в нём одном – англофилом и франкоманом. Этот человек был решительно настроен на союз с «демократиями» против Берлина – и поэтому считался в рейхе политиком негибким и бесперспективным с точки зрения «дружбы между народов».

А, вот, Молотов не подозревался Берлином в однозначных симпатиях к Западу. В том числе и потому, что его симпатии всегда были производными от симпатий «главного тут»: Сталина. Это «грозило» Берлину, если не перспективами, то возможностями для маневра. Поэтому фон дер Шуленбург и намеревался предложить советскому премьеру либо возвращение к формату Берлинского договора двадцать шестого года, либо подписание масштабного пакта о ненападении. Учитывал граф и советские пожелания: совместные гарантии Балтийским странам и оказание давления на Японию с целью «умиротворения» соратника по «оси».

Семнадцатого апреля сего, тридцать девятого, года, когда СССР в очередной раз сделал Франции предложение о заключении военной конвенции, статс-секретарь МИД Германии Вайцзеккер встретился с советским полпредом Мерекаловым. К этому времени Берлин уже сделал выбор – в пользу договора с Москвой. Политические реалии вынуждали его к этому выбору: армиям рейха предстояла большая работа в Европе – а Советский Союз только путался бы под ногами. И хорошо ещё, если «без ничего», с одними только предложениями о мире... против Германии! А то ведь он мог «путаться» с участием танков, авиации и артиллерии!

«Миролюбие» Берлина началось с предложения наладить торговлю и заключить масштабное экономическое соглашение. В этом плане Москва и Берлин действительно нуждались друг в друге. Берлину требовалось зерно, нефть, уголь, руды чёрных и цветных металлов – а Москве нужны были германские кредиты, новейшие станки и технологии.

На пути сближения Москвы и Берлина грудью – не по уму, то есть – в очередной раз встал нарком иностранных дел Литвинов. Товарищ с пеной у рта доказывал: «всё, что нам нужно, можно взять у Англии и Франции!». И хотя те явно не торопились с предложениями, Литвинов старательно отработывал «агентом влияния» Лондона и Парижа.

Всё шло к тому, к чему и должно было прийти: к логическому концу. К логическому концу Литвинова. Двадцать седьмого апреля в кабинете Сталина имел место предельно острый «обмен мнениями» – и не только о текущем положении, но и о личностях друг друга. Молотов, традиционно «представлявший сторону» Сталина и дополнявший его, обвинил Литвинова в головотяпстве, непрофессионализме, политической однобокости и отсутствии гибкости.

Намёк на «несоответствие занимаемой должности» был... вовсе даже не намёк, но Литвинов «не понял». Чересчур старательно «не понял», и опять «затянул старую песню». «Затянул», словно не понимая, что это грозит уже не оргвыводом, а «оргвыносом». В двери. Ногами вперёд.

Нет, вождь тогда не предложил наркому «выйти вон», а всего лишь разрешил ему удалиться. Но оказалось, что не предложил он это только вслух: через пять дней, третьего мая, Литвинова «попросили» с поста наркома иностранных дел. «За недостаточную ширину кругозора» и «неправильное поведение». И это правильно – и сразу же – поняли в Берлине. А тут ещё – назначение главой НКВД самого Председателя Совета Народных Комиссаров: более чем прозрачный намёк. Де-факто Москва приоткрывала дверь Берлину – и дипломатический натиск на СССР с «предложением руки и сердца» усилился.

Теперь для Берлина не было более важной задачи, чем «обращение Савла в Павла». И не одного «Савла» – сразу двух. Как итог: с мая по август между Москвой и Берлином состоялось десять «стратегических» встреч разного формата и уровня представительства. С немецкой стороны в них участвовали посол Шуленбург, статс-секретарь Вайцеккер, заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Шнурре, советник МИД Хильгер. В одной из встреч принял участие сам рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп. Гитлер также не остался в стороне от «дела заверений в любви и дружбе»: двадцать шестого июля Карл Шнурре ужинал с советским поверенным в делах Астаховым и тогripредом Бабариным по личному указанию фюрера.

Но и Москва не ударила в грязь лицом: в контактах с «немецкими партнёрами оказались замешаны» глава правительства Молотов, нарком внешней торговли Микоян, поверенный в делах Астахов. Только Молотов трижды принимал у себя немецкого посла: третьего, пятнадцатого и семнадцатого августа. В первую встречу, третьего августа, граф Шуленбург целый час посвятил «делу посвящения» советского премьера в свой план от двадцать шестого октября тридцать восьмого года. Он и не предполагал о том, что Молотов и сам мог бы посвятить графа в «план Шуленбурга».

И напрасно министр иностранных дел Италии граф Чиано винил себя «в разглашении государственной тайны». О «плане Шуленбурга» в Москве было известно задолго до июньских откровений итальянского министра. «Постановке в известность» – со всеми деталями – Москва была обязана товарищам из группы Шульце-Бойзена – Харнака: советская агентура проникла даже в сферу военного планирования германских Вооружённых Сил.

Но услышать о плане «в пересказе доброжелателей» и «из первоисточника» – «две большие разницы», как сказали бы в одном южном городе СССР. Тем более что фон Шуленбург был не только настойчив, но и искренен. Старый граф, который за свою жизнь уже «по третьему кругу» отбывал дипломатическую повинность в России, искренне верил, как в перспективы советско-германского сближения, так и в перспективы советско-германского размежевания в вопросе соблюдения интересов друг друга. Имеющиеся противоречия, по мнению дипломата с тридцативосьмилетним стажем, не являлись неразрешимыми.

Его настойчивость принесла свои плоды: на встрече пятнадцатого августа Молотов впервые согласился рассмотреть идею пакта о ненападении. Не от хорошей жизни согласился и не по одной лишь причине избыточной настойчивости старого дипломата. Больше всего «порадели» мистер Дрэкс и мсье Думенк: господа уже четвёртый день «переливали из пустого в порожнее». В свете этого мероприятия перспективы Москвы с каждым днём «переливания» вырисовывались всё отчётливее. Ей оставалось либо «таскать каштаны для чужого дяди», либо самой позаботиться о себе с предоставлением аналогичной возможности всем остальным.

«Куй железо, пока горячо!» – и семнадцатого августа Шуленбург вновь напросился в гости к Молотову. Не один напросился: с инструкцией Риббентропа, которая явилась всего

лишь ретрансляцией приказа фюрера. А инструкция была такой: «Германия заключит пакт при условии, что Риббентроп немедленно подпишет его в Москве».

Радостное ожидание – на пару с такой же улыбкой – недолго продержались на лице посла: Молотов был учтив, но холоден. А ещё он был уклончив: «мне надо посоветоваться с товарищами». Неплохо зная русский язык и русские обычаи, граф понимал, что эта партийно-бюрократическая формулировка – вовсе даже не слова, а образ жизни советского чиновника. Его модус вивенди. Выполнение задания срывалось. А за такой срыв фюрер мог сорваться, на ком угодно.

Прежде всего, на самом Шуленбурге.

После непродолжительных раздумий посол решил остаться верным традициям дипломатии и дворянства – и честно поставил Берлин в известность об очередном «нет» извечного «Мистера Нет». От осознания реалий фюрер повременил срываться, и, ограничившись выражением неудовольствия, лично обязал графа... лично и немедленно вручить Молотову проект пакта о ненападении. На следующий день, девятнадцатого августа, Шуленбург в очередной раз «напорсился в гости», где и исполнил поручение фюрера.

Долго трястись в ожидании ответа графу не пришлось: Молотов отверг план сразу же, как только дочитал его до конца. Но и падать в обморок послу также не пришлось: Молотов тут же вручил контрагенту советский проект. Как минимум, два отличия от немецкого в нём имелись – и оба существенные. Во-первых, советский проект гарантировал СССР нейтралитет в том случае, если Германия станет объектом нападения со стороны третьих стран. Во-вторых, Молотов предложил дополнить пакт специальным протоколом – с элементами «плана Шуленбурга» насчёт гарантий прибалтам и давления на Японию. Содержание протокола советский премьер жёстко и безапелляционно потребовал согласовать до приезда Риббентропа в Москву.

Условие насчёт протокола не смутило Шуленбурга. Впервые идея такого протокола «изошла», как раз, от Германии – и, как раз, в адрес СССР. Кроме того, в постскриптуме советского варианта протокола указывалось о его существовании. То есть, он не был тайной. И граф немедленно передал в Берлин о том, что, хотя лёд и тронулся, «процесс ледохода» необходимо ускорить. На его удачу, тут и радостная – для Германии – весть из Варшавы подоспела: девятнадцатого августа Польша окончательно и бесповоротно отклонила «наглое требование Советов об оказании помощи жертвам агрессии». В том числе – и самой Польше.

И фюрер понял: час пробил! Его час! Вчера – рано, завтра – поздно, значит – сегодня! Потому что сегодня – или никогда! И он решился. Он решился на то, о чём вчера и подумать не мог бы: обратиться к Сталину с личным письмом. Больше того: он надумал заместить собой Риббентропа, но «налёт на Москву» решил предварить эпистолой к большевистскому лидеру.

Поздним вечером двадцатого августа фюрер продиктовал: «Я принимаю предложенный Председателем СНК проект пакта о ненападении. Дополнительный протокол, желаемый Правительством СССР, может быть по существу выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично.... Напряжение между Германией и Польшей сделалось нетерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день... Я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия....»

Утром двадцать первого августа рейхсканцелярию огласил торжествующий вопль фюрера: только что Шуленбург телеграфировал «добро» Сталина на прилёт Риббентропа...

Глава вторая

Мягкая трель телефонного звонка вернула Сталина из «законой Москвы» в кабинет. Он неторопливо поднял трубку. Молча поднял: обязанность представляться всегда лежала на контрагенте.

– У с-себя?

Щека вождя дёрнулась в беззлобной усмешке: Вече был в своём репертуаре. «Если я поднимаю трубку – значит, у себя! Кто ещё может тут её поднимать?!». Но «взыскивать» со старого приятеля вождь не стал: если горбатого могила хотя бы теоретически могла исправить, то в отношении Молотова у неё не было ни шанса. Да и не за что было взыскивать: пусть и в своеобразной форме, Вячеслав Михайлович всего лишь соблюдал этикет. Тем более что и фирменным заиканием он не преминул уважить друга-вождя.

– Жду тебя.

Сталину вполне хватило двух слов: он не любил долгих разговоров, особенно по телефону. Спустя пять минут Председатель Совнаркома входил в кабинет Секретаря ЦК.

– З-здравствуй, К-коба.

Молотов всегда заикался, когда волновался – а волновался он всегда, когда «работал» со Сталиным. Стаж знакомства, формат отношений и потенциал дореволюционного псевдонима не освобождали «от обязанностей».

– Ну, что, Вече?

Не предлагая гостю стул – если захочет, сам воспользуется — вождь сразу же приступил к делу.... посредством слова. Молотов не воспользовался стулом: наверно, «не захотел». Как всегда в тех случаях, когда Хозяин оставался на ногах.

– Риббентроп прилетел, Коба.

Ударение пришлось на глагол, заменяя собой отсутствующий восклицательный знак: их в ассортименте у Молотова не имелось. Сталин молча выписал ещё один круг – и вышел на траверз прямого взгляда Предсовнаркома.

– И как встретили гостя?

Если Сталин и усмехнулся, то эту усмешку на его лице не отыскал бы и микробиолог со своим микроскопом. Что-то «неуставное» легонько тронуло и усы Молотова.

– Гостя встретили... как гостя.

– Долгожданного?

– Не дождался. И не дождётся.

Вот теперь Сталин рассмеялся. Не помешало даже напряжение последних дней. «Получив санкцию», улыбнулся и Молотов.

– На встречу я отрядил Потёмкина и Баркова. «От союзников» напросился Россо: «по уставу».

Потёмкин являлся первым заместителем наркома иностранных дел СССР, а Барков заведовал в НКВД протокольным отделом. Формально дипломатический протокол не был нарушен: министра иностранных дел в месте прибытия встречает первый заместитель министра иностранных дел принимающей стороны. Формально – ибо нет правил без исключений. Полагая и себя, и свой случай именно таким исключением, германская сторона, очевидно, питала надежды – на пару с иллюзиями.

– Представляю себе физиономию Риббентропа, – хмыкнул в усы Сталин.

– Верно представляешь.

Молотов почти не улыбнулся. «Неуставную» мимику выдавал только иронический блеск глаз.

– «Бедный» рейхсминистр некоторое время растерянно оглядывался по сторонам: всё искал меня за спинами Потёмкина и Баркова. Даже фашистский салют Россо не пролился бальзамом на израненную душу герра Риббентропа.

– Это хорошо.

Явно удовлетворённый началом, Сталин разгладил мундштуком трубки седеющие усы.

– Нечего баловать мальчонку. Домогаться любви в браке по расчёту – это аморально...

– И даже – извращение.

– Точно. О времени встречи немцы извещены?

Верный себе, вождь исполнил переход от шутки к серьёзным делам без многоточия. Молотов сразу подобрался.

– Да, Коба: немцы приглашены на пятнадцать тридцать.

– Не сомневаюсь, что Риббентроп готов был отказаться даже от душа – лишь бы побыстрее начать.

– Судя по реакции на моё предложение, – ещё раз блеснул стёклами очков Молотов, – да. Сталин бросил короткий взгляд на часы.

– Первую беседу мы проведём как разведку боем. Посмотрим, с чем прибыли господа немцы. Темы пакта в разговоре не касаться.

– Понял, Коба, – смежил веки Молотов. – Потёмкина не берём?

Сталин на мгновение задумался – и отрицательно мотнул головой.

– Нет. В этом нет необходимости. Сегодня мы и вдвоём управимся. А завтра... завтра видно будет.

– Так я пошёл?

«Зная устав», Молотов не стал косить глазом на часы: всего лишь подобрался, как в строю.

– А то мне ещё надо...

– Иди, – махнул рукой Сталин...

Германская делегация также не отличилась представительным составом. На первую встречу со Сталиным Риббентроп не взял даже Фридриха Гаусса, специалиста по юридическим вопросам. Следуя инструкциям фюрера, рейхсминистр намеревался для начала «глобально просветить» советского лидера. Он, конечно, не возражал против того, чтобы подписать договор сразу же после обмена приветствиями, но отдавал себе отчёт в том, что чудес в политике не бывает. Именно поэтому необходимое в других случаях присутствие Гаусса сегодня не было таким, уж, необходимым. И Риббентроп «подсократился» до себя, посла Шуленбурга и советника Хильгера.

Рейхсминистр пришёл бы и один, будь у него такая возможность. Он честно не жаловал обоих: оба посмели считать его, выскочку и плебея... выскочкой и плебеем! Кроме того, оба слишком, уж, переоценивали масштаб личностей Сталина и Молотова. По мнению Риббентропа, аристократы настолько увлеклись игрой в объективность, что от обоих стало изрядно отдавать «розоватостью» и даже «краснотой». Особенно «изменился в окрасе» этот старый хрен – граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург.

С большим удовольствием Риббентроп отправил бы его, а за компанию с ним и Хильгера, если, уж, не в Дахау, то хотя бы к чёртовой матери.

Эх, если бы только было можно! Но – нельзя. И всё по одной причине: Шуленбург и Хильгер были дипломатами, а Риббентроп – нет. Не помогали даже претенциозные манеры и приставка «фон» к фамилии. Плебейское начало пёрло из всех щелей. А за отсутствие дипломатических талантов и говорить было нечего. Если за плечами фон Шуленбурга было тридцать восемь лет стажа дипломатической работы в разных чинах и странах, то за плечами фон Риббентропа – всего полтора года политических интриг в должности.

Правда, сюда при желании – самого Риббентропа, естественно – можно было засчитать и период с тридцать третьего года, когда будущий рейхсминистр возглавил внешнеполитическое бюро НСДАП. Но даже с «зачётом» дипломатического опыта набиралось – кот наплакал. Не спасали положение и несколько месяцев работы послом в Лондоне.

Больше всего Риббентропа тяготило явное неприятие его, как рейхсминистра, профессиональными дипломатами. Такими, как Шуленбург, Хильгер, не говоря уже о фигурах покрупнее: фон Нейрат, фон Папен, Шверин фон Крозигк. Для этих людей Риббентроп-дипломат не существовал: для них он всегда оставался партийным назначенцем. Конечно, «оставаясь для них», рейхсминистр не оставался и в долгу: даже аристократическая приставка «фон» не мешала ему «обложить» подчинённых так, что и портовые грузчики позеленели бы от зависти. Правда, легчало от этого ненадолго. В глубине души Риббентроп сознавал: объективно для занимаемой должности он не имел ни образования, ни дипломатического чутья, ни такта. Даже претенциозные манеры, невыносимые для окружающих, не избавляли его от комплекса неполноценности.

Всё это вкупе заставляло его мириться с обществом Шуленбурга и Хильгера. Без их помощи он не мог рассчитывать на достижение цели, ради которой фюрер и направил его в Москву. Этот пакт мог стать венцом дипломатической карьеры непрофессионального дипломата – а это, в свою очередь, «грозило» ему благосклонным отношением фюрера. Тем более что делиться лаврами Риббентроп и не собирался: сам фюрер являлся тому наглядным примером.

В пятнадцать тридцать, обменявшись приветствиями: холодно-вежливыми – с советской стороны, и подчёркнуто-радушными – с немецкой, хозяева и гости, наконец, заняли места за столом переговоров. Не дожидаясь приглашения, Риббентроп взял с места в карьер.

– Господин Сталин! Фюрер великой Германии Адольф Гитлер

придаёт исключительное значение этому визиту, и надеется, что он положит начало эре новых отношений между Германией и Советским Союзом!

– Так, уж, сразу, и «эре», – усмехнулся Сталин. Унисон ему ожидаемо составил Молотов, и неожиданно – Шуленбург. Когда Риббентропу перевели ответ, он покраснел, но тут же принялся оправдывать поговорку насчёт того, «с кого всё – как с гуся вода».

– Господин Сталин и господин Молотов! Я прибыл сюда не только для обсуждения текущих вопросов, но и для того, чтобы сделать предложения Советскому Союзу о глобальном сотрудничестве.

– Давайте, всё же, ограничимся текущими вопросами, – не поскупился на иронию Сталин.

Риббентроп тут же поймал на себе парочку взглядов от «членов делегации»: один – предостерегающий, второй – почти торжествующий. Что ж, Шуленбург с Хильгером могли позволить себе любой из этих взглядов. Они действительно предупреждали рейхсминистра о том, чтобы тот держал язык за зубами, ибо Сталин имеет привычку не «отпускать» визави ни одного «случайно вылетевшего» слова.

Риббентроп счёл за лучшее «дипломатично» откашляться, но следом опять выкатил грудь.

– Мы ознакомились с предложениями советской стороны – и в вопросе их удовлетворения готовы пойти даже много дальше

Сталин не слишком энергично приподнял бровь.

– Нельзя ли уточнить: «много дальше» чего?

Рейхсминистр открыл рот для ответа – но тот не находился. Пришлось оглянуться на Шуленбурга, да ещё не с министерским лицом: сквозь привычную уже растерянность в глаза его пробивался страх. Призванный на помощь, Шуленбург подался вперёд.

– Ваше высокопревосходительство, господин рейхсминистр хотел сказать, что Германия выражает готовность удовлетворить все заявленные советской стороной требования, а сверх того – предложить содействие в решении тех геополитических проблем, которые остались неохваченными предварительными договорённостями.

Сталин удовлетворённо кивнул головой – и Риббентроп немного убавил в бледности.

– Тогда у меня вопрос к господину рейхсминистру.

Медленно, словно танк – орудийную башню, Сталин повернул голову в сторону Риббентропа. Глаза его смотрели прямо на немца. Снаружи взгляд их был предельно мягким – зато, каким жёстким он был изнутри! Риббентроп наверняка почувствовал, как ледяные иголки сталинского взгляда насквозь протыкают его, и без того отсутствующее, мужество. А ведь и об этом «коварстве» русского «византийца» его предупреждал фон Шуленбург!

«Проткнув» гостя, Сталин мундштуком трубки неторопливо разгладил усы.

– Будем говорить откровенно: нас, русских, как и вас, немцев, прежде всего, интересует вопрос собственной безопасности. Особенно – в контексте нерешённого вопроса коллективной безопасности.

Риббентроп вздрогнул: «особенно – в контексте нерешённого вопроса коллективной безопасности». Что и говорить: «Sapienti – sat». «Умному – достаточно».

– Совершенно верно, господин Сталин.

– Очень хорошо, что Вы согласны с этим, господин Риббентроп. Поэтому скажу прямо: нас очень интересует вопрос Прибалтики. Мы бы не хотели, чтобы территории лимитрофов оказались плацдармом для агрессии против Советского Союза.

Под очередным невыносимо прямым взглядом Сталина Риббентроп заёрзал задом. Очередной намёк Сталина оказался... вовсе не намёк. Сталин не сказал ничего – и сказал всё. «Фамилия» агрессора не была названа – но Риббентроп едва усидел на месте, чтобы «не отозваться».

– Я понял Вас, господин Сталин.

Рейхсминистр не знал, куда девать глаза, руки и всё остальное имущество. Ему срочно требовалось перехватить инициативу, чтобы окончательно не скатиться к амплуа ответчика.

– И поэтому, чтобы сразу же развеять все Ваши сомнения, я заявляю... будучи уполномочен фюрером... следующее: Германия совершенно не заинтересована в Финляндии, Эстонии и Латвии. Больше того: фюрер поручил мне заявить, что Германия также не заинтересована в Бессарабии, а в целом – в юго-востоке Европы.

– О юго-востоке Европы мы поговорим как-нибудь в другой раз, – почти не усмехнулся Сталин. – А вот, то, что Вы заявили относительно незаинтересованности Германии в прибалтийских республиках – это очень хорошо.

Сталин опустил упоминание Финляндии. А поскольку Сталин никогда и ничего не забывал, Шуленбург немедленно сделал Риббентропу «отмашку» глазами: тему Финляндии «педалировать» не следовало. В Германии было известно, что вопрос Финляндии – жизненно важный для всего северо-запада России, но он должен был созреть. Примерно – как чирей на заднице, когда его уже невозможно игнорировать. Вопросы надо ставить уместно, что особенно важно в политике.

Сталин, разумеется, обратил внимание на «семафор» посла Шуленбурга, но не стал обращать на это внимание немецкой стороны.

– Это особенно важно в связи с тем, что мы – страна северная, и очень нуждаемся в незамерзающих портах в акватории Балтийского моря. Экономика развивается, и наши возможности уже не отвечают потребностям. Наши порты в северных морях, к сожалению, не могут работать круглый год. Поэтому нам нужны незамерзающие порты Либавы и Виндавы. Или, как их ещё называют, Лиепая и Вентспилс. Мы даже готовы взять их в аренду у латвийской стороны. Конечно – при наличии доброй воли всех заинтересованных участников.

– У Германии такая воля есть! – просиял Риббентроп. – И, как раз – добрая! Именно по этой причине вопрос Польши...

– Кстати, насчёт Польши...

Сталин даже голосом умудрился проставить многоточие так, что оно смотрелось вопрошательным знаком. На этот раз гость не смутился: чувствовалась подготовка.

– Фюрер считает поведение Варшавы абсолютно недопустимым.

Несмотря на отсутствие восклицательного знака в голосе,
Риббентроп местами перешёл на визгливые ноты.

– И он полагает, что напряжение во взаимоотношениях наших стран достигло такой степени, что развязки можно ждать в любое время!

– Да, он писал мне об этом.

Под будничным тон не удостоив гостя и взгляда, Сталин спокойно выбил пепел из трубки, и принялся заряжать её новой порцией.

– Хотелось бы узнать – хотя бы в общих чертах – что в Берлине понимают под «развязкой»?

– Ну-у... ф-ф-ф...

Риббентроп в очередной раз растерялся. Он, не дипломат, никак не мог ещё привыкнуть к обезоруживающей прямолинейности Сталина. Русский вождь заходил на интересующий его вопрос, минуя все обязательные и необязательные «дипломатические околичности». Это сразу же давало ему фору, а его визави – совсем даже наоборот. Именно поэтому рейхсминистру и потребовался сейчас мгновенный совет Шуленбурга. Он скосил глаз на посла – и тот молча смежил веки.

– Германия хочет решить все споры с Польшей мирным путём, господин Сталин.

– Данциг и «коридор»?

– Да, господин Сталин!

– Но, если конфликт окажется неизбежным...

Многозначительным взглядом Сталин предложил гостю поставить точку – и тот не стал уклоняться.

– ... то Германия не переступит демаркационную линию.

Сталин пыхнул трубкой, и молча откинулся на спинку кресла. Некоторое время в кабинете царило молчание. Русские молчали бесстрастно. Шуленбург с Хильгером составляли им компанию. Риббентроп в очередной раз не выдержал проверку дипломатией: побледнел, «заострился» чертами и закусил губу.

Наконец, Сталин «дружелюбно обдал» Риббентропа свежим облаком табачного дыма, и взглянул на часы.

– Восемнадцать тридцать. Мы работаем уже три часа. Немецкая делегация, вероятно, желает отдохнуть после дороги.

Лицо рейхсминистра посерело: он «как-то» не услышал в заявлении советского лидера вопросительного знака. Сталин не спрашивал и даже не констатировал: он приговаривал. Приговаривал судьбоносные для рейха переговоры к очередному раунду. Приговаривал, сохраняя на лице «византийскую» невозмутимость.

– Боксёры – и те нуждаются в отдыхе через три минуты. Но мы дадим господину Риббентропу не три минуты, а три часа. Я полагаю, трёх часов господину министру будет достаточно.

Тут заулыбались даже Шуленбург с Хильгером: они уже немножко изучили юмор советского вождя. Юмор формата «в каждой шутке – лишь доля шутки». В данном случае их устраивали оба компонента: и шутка, и её доля. В предложении Сталина никакой трагедии для себя они не усматривали. Ведь переговоры даже не откладывались: в них объявлялся всего лишь «обеденный перерыв». Не сразу, но сообразил это и Риббентроп, отчего раздумал снова бледнеть и кусать губы. Напротив, он даже улыбнулся. Улыбнулся широко, в «истинно аристократической манере».

– Ценю Вашу заботу обо мне, господин Сталин. С чувством огромной признательности.

– Если нет возражений, то Вы имеете возможность ценить её до двадцати двух ноль-ноль.

Под общий смех Риббентроп и Сталин поднялись со своих мест, и протянули друг другу руки...

В десять вечера немцы в очередной раз продемонстрировали свою пунктуальность. Теперь они пришли вчетвером: подключился Гаусс. Немцы поняли, что переговоры выходят на кульминацию, но сочли не лишним продемонстрировать своё понимание ещё и Гауссом. Заодно и русским делался насквозь прозрачный намёк: «чтобы герру Гауссу два раза не ходить».

– Господин Сталин, на первой нашей встрече Вы сказали – цитирую дословно: «О юго-востоке Европы мы поговорим как-нибудь в другой раз». Смеею заметить, что этот раз – именно «другой». Вам так не кажется?

Сталин усмехнулся – и пыхнул трубкой.

– Не возражаю.

– В таком случае, – немедленно оживился Риббентроп, – хочу сразу же ознакомить Вас с точкой зрения фюрера: «Германия признаёт за Советским Союзом интересы на Балканах, в бассейне Чёрного моря, и...

Риббентроп сделал выразительную паузу.

– ... даже в Турции». То есть, мы, господин Сталин, признаём объективную заинтересованность Советского Союза в Константинополе и в пересмотре конвенции Монтрё о проливах – конвенции, явно дискриминационной по отношению к Советскому Союзу.

Выдав текст на одном дыхании, Риббентроп впился глазами в лицо Сталина. Делал он это соло: Шуленбург и Хильгер знали, что дальше будет: ничего не будет – а Гаусс шлифовал в уме формулировки договора. По этой причине и разочаровывался Риббентроп в одиночку: реакция Сталина оказалась совсем не такой, какой ожидалась. Да ещё – под нестерпимо «отсутствующее лицо» Сталина.

– Благодарю Вас, господин Риббентроп, за столь широкий жест, но Советскому Союзу будет достаточно и демаркационной линии. На тот случай, если то, что может случиться с Польшей, и в самом деле случится с ней. В чём мы действительно заинтересованы – так это в том, чтобы населённые этническими украинцами и белорусами земли сегодняшней Польши не стали в очередной раз зоной чужих интересов. Я понятно выражаюсь?

Дружелюбием в дружелюбном голосе Сталина и не пахло – и Риббентроп поспешно кивнул головой.

– Да, да, господин Сталин! Мы Вас прекрасно понимаем!

– Тогда, если наш уважаемый гость не возражает, займёмся делом. Итак, советская сторона ознакомилась с германским проектом договора. Германская сторона ознакомилась с советским проектом договора. Все обнаруженные недочёты и разночтения устранены в ходе предварительного согласования. Или я ошибаюсь?

Риббентроп оглянулся на Гаусса – и тот еле заметно пожал плечами: «на Ваше усмотрение, герр рейхсминистр».

– Нет, господин Сталин, Вы не ошибаетесь.

– Тогда имеет смысл, как говорят русские, «переписать набело».

Риббентроп вновь покосился на Гаусса. На этот раз тот откликнулся с большей заинтересованностью: слова русского лидера предполагали теперь и участие специалиста в области права.

– Мы согласны, господин Сталин, – «перевёл» Гаусса Риббентроп.

Сталин обернулся к Молотову – и тот немедленно передал ему папку с вложенными в неё машинописными листами. Сталин раскрыл папку.

– «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом»... Нет возражений против того, чтобы слово «Германией» стояло впереди слов «и Советским Союзом»?

Сталин иронически прищурился в Риббентропа.

– Никакого подтекста здесь нет. В том смысле, что если кто-то указан первым, то и наибольшая угроза якобы от него. Это указание – не намёк на вероятного агрессора, а всего лишь

соблюдение требований алфавита, как латинского, так и кириллицы. Что скажете, господин Риббентроп?

– Возражений нет, господин Сталин.

– Тогда идём дальше, – удовлетворённо кивнул головой Сталин. – В согласованном проекте – семь статей. Этого количества достаточно?

Риббентроп повернулся к Гауссу – и тот кивнул головой.

– Достаточно, – «перевёл» рейхсминистр.

– За прошедшее время позиция немецкой стороны в отношении статьи второй проекта Договора не изменилась?

Не отличавшийся ни феноменальной памятью, ни особенным прилежанием, Риббентроп растерянно отвесил губу – и тут же подался развёрнутым ухом к губам консультанта. Гаусс что-то быстро зашептал «в рейхсминистра». «Ознакомившись со шпаргалкой», Риббентроп вернулся в вертикальное положение.

– Господин Сталин, не считите это невежливостью, но могу я, в свою очередь, поинтересоваться, не изменилась ли редакция статьи второй в советском проекте? Без ответа на этот вопрос я не смогу ответить на Ваш.

Сталин усмехнулся.

– Конечно, Вы можете поинтересоваться, господин Риббентроп. Только это – не советский проект, а согласованный обеими сторонами.

Риббентроп с досады закусил губу: очередной прокол, непростительный даже для новичка. Его компаньоны, обвыкшиеся уже с постоянными ляпами шефа, не стали «подсыпать соли на раны» начальства, и «занавесились» нейтральными лицами.

– Что же – до ответа на Ваш вопрос, то скажу так: редакция не изменилась. Можете убедиться в этом сами.

Сталин редко читал документы вслух, но для высокого гостя сделал исключение.

– «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу».

Когда Риббентропу сделали перевод, он кивнул головой. Без особого энтузиазма.

– Да, это – согласованный вариант... Только...

Риббентроп совсем недипломатично замялся. Для озвучивания вопроса «Только – что?» Сталину хватило и небольшого подъёма брови. Рейхсминистр тут же спохватился.

– ... В идеале лучше смотрелся бы вариант об оказании помощи жертве агрессии...

Сталин обезоруживающе улыбнулся: ни дать, ни взять – друг.

– Но тогда это был бы Договор о взаимопомощи, а не о ненападении. Тогда это был бы совсем другой документ – а не тот, который мы рассматриваем сейчас.

Советский вождь «очень хорошо понимал» гостя. СССР вовсе «не улыбалось» перспектива оказаться втянутым в конфликт в случае нападения на Германию третьей силы. Наряду с первой статьей

«о воздержании от всякого насилия», статья вторая проекта была одним из двух краеугольных камней, на которых и держался весь договор. С большим трудом СССР удалось сделать этот «камень» «вполне краеугольным». Ведь ещё шесть дней тому назад Молотов отклонил немецкий вариант, фрагмент из которого сейчас и озвучил Риббентроп.

Рейхсминистр заёрзал в кресле. Гаусс запросил взглядом

Шуленбурга – и тот отрицательно покачал головой. Тогда «юрисконсульт» немецкой делегации наклонился к Риббентропу, и отметил в его ухо предельно лаконичным текстом. Щека рейхсминистра «окислилась», но он тут же восстановил в себе дипломата, и развернулся на манер плаката «Добро пожаловать!».

– Мы согласны с текстом Договора, господин Сталин. Полагаю, что теперь мы можем перейти к согласованию протокола?

Сталин повернул голову к Молотову – и тот сдержанно развёл руками: «Почему бы и нет?».

– Немецкая делегация имеет на руках проект дополнительного протокола?

Риббентроп, не оборачиваясь, протянул руку к Гауссу, и тот вложил в неё пару листов бумаги с машинописным текстом.

– Да, господин Сталин: мы имеем этот текст.

– А замечания к тексту Вы имеете?

Сталин прозвучал вполне доброжелательно, но глаза его работали отдельно от голоса. Взгляд их был понизывающим и требовательным. Риббентроп растерянно покосился на Гаусса. Тот немедленно «вышел из тени».

– К тексту протокола не приложена карта, господин Сталин.

– А зачем она? – почти удивился Сталин. – Мы ведь не проводим демаркацию по каждому метру территории. То есть, мы не осуществляем демаркацию государственной границы между СССР и Германией. Это – дело будущего... если оно будет. Да и тогда это – дело не столько дипломатов, сколько картографов и геодезистов. А наша задача: определить границу сфер интересов приблизительно. Заметьте, господин Риббентроп: не государственных границ – а сфер интересов! Да и то – приблизительно.

И это – не моё произвольное толкование: это буквально, слово в слово, записано в пункте втором дополнительного протокола!

Риббентроп дёрнулся глазами в сторону Гаусса, и тот утвердительно смежил веки. Рейхсминистр поморщился: инструкции фюрера были предельно точны.

– Значит, господин Сталин не считает карту необходимым приложением к протоколу?

– Да, господин Сталин не считает карту необходимым приложением к договору.

Сталин прозвучал сухо и категорично. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Только доброжелательный взгляд смягчал отчасти «суровость приговора».

– Имеет ли немецкая делегация возражения в части пунктов один и два протокола о разграничении сфер интересов Германии и Советского Союза в Прибалтике и Польше в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств и Польши соответственно?

Риббентроп неожиданно улыбнулся. Для того чтобы солировать в режиме моментального ответа, на этот раз «шпаргалки» Гаусса ему не понадобились.

– Нет, господин Сталин. Больше того: немецкая делегация имеет полномочия официально – с закреплением в протоколе – заявить о своей полной незаинтересованности в юго-востоке Европы. Германия признаёт интерес СССР к Бессарабии.

– Безоговорочно?

Сталин озвучивал вопрос параллельно с прикуриванием трубки. Глаза его при этом иронически поблёскивали из-под бровей. Уже немножко «потёршись» в переговорах и освоившись с манерами советского лидера – насколько это возможно вообще, Риббентроп прибавил в улыбке.

– Мы ведь собрались для того, чтобы быть откровенными друг с другом, господин Сталин?

– Разумеется, господин Риббентроп.

Сталин «раскопегарил» трубку и с удовольствием затянулся ароматным содержимым «Герцеговины Флор». Но и дым смог лишь слегка приглушить озорной блеск его глаз.

– Тогда я буду предельно откровенен, господин Сталин, – ещё шире растянул губы Риббентроп. – Германия желала бы большей ясности в вопросе будущего Польши. В рамках протокола, конечно.

Сталин переглянулся с Молотовым.

– Н-например? – включился глава правительства и нарком иностранных дел.

Рейхсминистр жеманно повёл плечами.

– Ну, например, мы могли бы вспомнить о том, что Польша уже неоднократно прекращала своё существование, как государство. Взять хотя бы третий раздел, если я не ошибаюсь, тысяча семьсот девяносто пятого года.

«Взятию хотя бы» Риббентроп был обязан фон Шуленбургу, который почти вдогонку просветил рейхсминистра на тот случай, если вдруг понадобятся исторические параллели. И, кажется, такой момент действительно настал: Сталин задумался. Хотя, может, задумался он исключительно в дипломатических целях. Ну, для того, чтобы «сделать приятное» рейхсминистру. Вновь переглянувшись с Молотовым, Сталин едва уловимо покривил щекой в усмешке.

– Насколько я понимаю, решение судьбы Польши «не входит в компетенцию» настоящего протокола. Нас, русских, интересуют только исконно украинские и белорусские земли, отторгнутые Польшей от Советской России в двадцатом году.

Риббентроп ожидаемо скис лицом, потом не менее ожидаемо закусил губу – и забегал пальцами по столешнице.

– Но мы не можем оставить этот вопрос открытым!.. Я хотел сказать: мы должны хоть каким-то образом отразить наше отношение к нему именно в данном протоколе!

Рейхсминистр горячился и, с точки зрения профессионального дипломата, «безбожно косноязычил». Но ни Шуленбург, ни Хильгер, ни Гаусс и не собирались «взыскивать» с шефа: рейхсминистр был прав в своей настырности. «Застолбить участок» – в виде права на возвращение к вопросу – следовало немедленно. Потому что всё, что «могло случиться», должно было случиться – и в самые ближайшие дни. Да и «с другого фланга» рейхсминистр был прав: Германия же «уступила» СССР Бессарабию!

А в политике нет места бескорыстию: каждый подарок обязывает! Должна же Москва понять, что ответный жест – за ней!

– Хорошо.

Полусогнутая рука Сталина с зажатой в ней дымящейся трубкой выполнила характерный маневр в воздухе.

– Тогда давайте запишем так – как продолжение второго пункта дополнительного протокола.

Сталин на мгновение задумался – и начал диктовать. Молотов и оба переводчика в две руки застрочили по бумаге.

– «Вопрос о том, каковы будут границы независимого Польского государства, может быть окончательно выяснен только в качестве дальнейшего развития политической ситуации». Как Вам такое дополнение, господин Риббентроп?

«Самостоятельный в суждениях» рейхсминистр немедленно подался головой в сторону Гаусса, и секунд двадцать внимал торопливому шёпоту правового советника. Наконец, голова его вернулась в исходное состояние, а глаза – на лицо Сталина.

– Немецкая сторона готова принять это дополнение... за основу.

– За основу?

Сталин и его трубка на мгновение разошлись друг с другом.

– Да, господин Сталин. Потому что – с небольшим уточнением.

– Весь внимание, – миролюбиво пыхнул трубкой Сталин.

Риббентроп нырнул глазами в шпаргалку, торопливо подsunутую ему Гауссом.

– Текст – примерно такой, господин Сталин... Значит, так: «Вопрос, является ли для обеих сторон желательным сохранение независимого Польского государства, и каковы будут границы этого государства...». Ну, а дальше – Ваш текст, господин Сталин.

Глаза Риббентропа застыли на лице Сталина в напряжённом ожидании «приговора». Сталин медленно вынул трубку из рта.

– Значит, говорите: «небольшое дополнение»...

Сталин хмыкнул, и покачал головой. Основания и для того, и для другого имелись: «небольшое дополнение» в корне меняло предложение Сталина. Ведь, если в предложении советского вождя сохранение Польши, как независимого государства, подразумевалось во всяком случае, то в предложении Риббентропа будущее Польши оставлялось на усмотрение «Высоких Договаривающихся Сторон».

Конечно, можно было отклонить «небольшое дополнение». Можно – но нужно ли? Нужно ли было это делать, если судьба Варшавы, похоже, уже была решена – и принципиальная точка зрения Москвы принципиально ничего не меняла. В условиях такого выбора, к тому же отягощённого цейтнотом, приходилось думать о собственных интересах. Да и сама Польша в своё время изрядно поспособствовала торжеству приоритета «собственной рубахи», раз за разом отклоняя советские предложения о военной помощи. Не следовало забывать и о Бессарабии: Германия де-факто обязывалась надавить на Бухарест с тем, чтобы «мамалыжники» не кочевряжились, и «по-тихому» вернули России то, что оттяпали у неё двадцать лет назад.

– Принимается.

Сталин повторно рассёк воздух широко уже известным – в узких кругах – жестом с участием руки и трубки.

– Но тоже – с небольшой редакцией.

Риббентроп напрягся: он уже на личном опыте постиг то, что небольших редакций у Сталина не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.